

**ВСТРЕЧА
С ИНТЕРЕСНЫМ
СОБЕСЕДНИКОМ**

Игорь Олегович Горбачев вряд ли нужно представлять читателям. Художественный руководитель Ленинградского андедмического театра драмы имени А. С. Пушкина, Народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР, он известен миллионам зрителей как создатель замечательных образов на сцене и экране. Достаточно назвать его Хлестакова из бессмертного «Ревизора», участие в фильме «Угрожение огня», в телефильме «Операция «Трест» и т. п.

Наши корреспонденты беседуют с И. О. Горбачевым.

— Игорь Олегович, Вы осуществляете художественное руководство старейшим государственным драматическим театром России. Два слова об истории театра, крупнейших актерах, игравших на его сцене.

— Театр имени Пушкина действительно старейший профессиональный русский драматический театр. Он был учрежден императрицей Елизаветой в 1756 году. 220 лет, сами понимаете, возраст довольно почтенный даже для творческого коллектива. За это время сложились определенные традиции, продолжать и развивать которые мы считаем своим святым долгом.

На подмостках знаменитой «Александринки», как до революции именовался наш театр, играли выдающиеся мастера русской и советской сцены. Назову великую Савину, Стрелетову, Комиссаржевскую, Давыдова, Верламова, Дальского. В советское время сцену нашего театра украшали Корчагина - Александровская, Юрьев, Черкасов, Николай Симонов. Наконец, раз уж мы заговорили о выдающихся мастерах театрального искусства, то не могу не назвать хотя бы некоторых из тех, что играют в нашем театре сейчас. Это Константин Адашевский, Юрий Толубеев, Василий Меркурьев, Александр Борисов, Бруно Фрейндлих, Нина Мамаева, Нина Ургант, Иван Дмитриев, Галина Карелина — всех просто не назовешь.

— Кто из актеров, наших современников, произвел на Вас наибольшее впечатление?

— Черкасов и Николай Симонов. Они играли на нашей сцене, их потрясающее драматическое искусство мне особенно близко и понятно. Это были прежде всего замечательные люди, любившие театр до самозабвения. Черкасов, например, продолжал играть уже смертельно больным. Его мучила астма, он задыхался. Мы подводили его под руки к выходу на сцену. Но, оказавшись в свете рампы, он мгновенно преображался. Он не играл, а жил на сцене. Даже в своей последней роли профессора Дронова в спектакле «Все остается людям» он играл самого себя. Он и умер точно так же, как и созданный им Дронов, все оставив людям, человечеству. Какой великий пример для всех нас, особенно для театральной молодежи.

— Вы упоминали о традициях вашего театра. Какие из них Вы считаете главными?

— Разговор о традициях — дело долгое и сложное. Но если говорить о главных из них, то это, прежде всего, верность реализму. Этот художественный метод сформировался в нашем театре еще в дореволюционное время, хотя сделать это в условиях императорского театра было далеко не просто. Но реализм пробил себе дорогу. Наш театр осуществил первую постановку «Ревизора». На ней был Гоголь. Хлестаков ему не понравился, а от Гогодячего он был в восторге.

Мы и сейчас за ясный и понятный реализм на сцене. Это не значит, что мы против новаций. Но для того, чтобы иметь право на новации, нужен опыт, нужно испытать чашу прошлого до дна. Только

великолепно овладев опытом прошлых поколений, осмыслив и осознав его до конца, имеешь право на то, чтобы сказать новое, свое, вышешенное. А то ведь нередко бывает, что к новациям и всякого рода трюкачеству на сцене прибегают с единственной целью: хоть как-то обратить на себя внимание.

Одна из главных традиций нашего театра — никогда не выходить на сцену равнодушным. Это вроде бы аксиома сценической жизни. Но в наше время даже аксоны требуют, если не доказательства, то подтверждений. Во время зарубежных гастролей нам не раз приходилось слышать, что актеры

пери» Малюгина. Большой, настоящий человеческий материал.

— Что вы считаете наиболее ценным, значительным в актерском мастерстве?

— Соединение гражданственности и художественности. Эти два понятия особенно наглядно стали для меня в один ряд во время гастролей театра во Франции. Было это в пору жестокой холодной войны. Газеты Парижа сообщали примерно следующее: «Советский Союз поразил нас тем, что первым создал атомную бомбу. Он привез и показал нам Уланову, и мы были покорены. Русские обнагтели и сейчас привезли идеологическую

тите, ярость и заразительность. А это и есть талант.

Как анекдот, у нас ходит давняя история. Один актер старой школы не посещал политзанятия. Его долго «воспитывали», «прорабатывали» на собраниях, даже стыдили. А он, весь в «крахмалах», с алмазными запонками, в безупречном черном костюме, сказал: «Помилуйте, я для того и в артисты пошел, чтобы не учиться»...

Актер должен знать многое. Я уже говорил о пульсе жизни страны, планеты, о необходимости впитать в себя опыт. Он должен знать жизнь и труд тех, кого он вечером играет на сцене. Когда я работал над спектаклем «Все остается людям», «Годы страстей», то понял, что должен побывать на операции. И побывал на нескольких, в том числе видел операцию на сухом сердце.

— Игорь Олегович, как Вы нашли свое призвание?

— Когда началась война, мне было тринадцать. Дети блокадного Ленинграда, мы гасили «зажигалки», дежурили на крышах, пели, читали стихи в госпиталях. Но хотелось большего, как и всем детям военного времени. Видя и понимая окружающее, мы страдали от своей неполноценности — нас не брали на фронт.

В сорок пятом — выпуск десятого класса, единственного после блокады в Ленинграде. Куда пойти, кем стать? Сначала хотел стать хирургом. Но, честно признаюсь, черновая работа, связанная с кровью и потерями, испугала. Отец сказал: «Иди в университет, закончи, а там хоть в цирке слона мой». Так я стал студентом философского факультета. Потом был студенческий спектакль «Ревизор», обернувшийся для меня кинофильмом.

Соблазна после этого было много. Приглашали театры, студии. Я понял, что должен стать актером, а для этого надо учиться. «Ревизор» помог мне попасть в театральный институт.

И вот теперь перед вами счастливый человек. Счастливый, потому что я нашел свое призвание. Призвание — это когда вас удовлетворяет, радует черновая работа, сам процесс труда (в любой профессии).

Утром меня ждет репетиция. Я очень люблю репетиции, больше, чем премьеры: горит одна лампочка и зрительный зал тих и безлюден. Вечером меня ждет спектакль. Знаю, что в одном месте что-то не ладится, но вот сегодня буду это преодолевать. И радуюсь.

Театр — не сфера материального производства. Я не могу увидеть со стороны плоды своего труда. Но если знаю, что мой Устименко, Платов, Сент-Экзюпери, даже погибнув на сцене, остались в чьем-то сердце, заставили зрителя задуматься, осмыслить другую жизнь, другой подвиг, значит, я нужен.

Беседу вели А. БЕЛЬСКАЯ и Е. КВЕЦИНСКИЙ.

На снимке: народный артист РСФСР К. И. Адашевский и народный артист СССР И. О. Горбачев.

Фото А. Александрова.

«ЛЮБЛЮ НЕ ПРЕМЬЕРЫ, А РЕПЕТИЦИИ...»

некоторых даже прославленных театров играют по четыре-пять раз в день. Подобное тиражирование спектаклей в нашем театре невозможно. Все дело в том, что и за один спектакль актер «выкладывается», что называется, до дна. А иначе просто нельзя. Если ты сам не горюшь, то кого ты можешь зажечь? Этому учил нас Леонид Сергеевич Вивьен, народный артист СССР, тридцать с лишним лет работавший главным режиссером нашего театра.

Мы любим играть классику. Но тут встает проблема современности классической драматургии.

Иной раз идут по такому пути: в Городничем из гоголевского «Ревизора» играют этаного современного деятеля районного масштаба. Вроде бы чтобы всем понятно. Я против этого. Гоголь писал не о конкретном носителе зла, а о явлении, о мировоззрении определенного пласта общества. Оно не может быть присуще только человеку с адресом. Поэтому важно донести суть явления, а не просто показать конкретного представителя общества.

Среди современных пьес, немало важных по теме, но, к сожалению, непривлекательных (для меня во всяком случае), по осмысливанию поднимаемой проблемы. И мы понимаем, почему. «Большое вылиты на расстоянии». Ведь «Любовь Яровая», «Оптимистическая трагедия» и другие замечательные пьесы о революции тоже были написаны не в семнадцатом году. Поэтому мы нередко дорабатываем даже слабые пьесы современных авторов, при том, однако, условии, если в них есть главное — верная идейная позиция автора и хотя бы минимально разработанные характеры героев. Люблю «Дело, которому ты служишь» по Юрию Германину, «Все остается людям», Алешина, «Друзья и годы» Зорина, «Жизнь Сент-Экзю-

бомбу: пьесу «Оптимистическая трагедия».

Надо понять, что мы испытывали перед началом спектакля. Правда, он начался с опозданием: во время пересадки в Варшаве затерялась гармошка, маленькая такая, но без нее мне, Алексею, выходить на сцену нельзя. Наш посол срочно «организовал» самолет. Привезли гармошку, начали спектакль.

Играли яростно. Мы должны были доказать не только, что умеем играть, но и заставить понять революцию, силу ее идей, силу духа русского человека. И зритель не только воспринял нашу игру — он сопереживал. Он невольно сочувствовал революции, становился на ее позиции.

И вот в одной из первых сцен, когда Алексей уходит, я слышу за своей спиной бурю аплодисментов, а Толубеев (Вожак), встречая меня за кулисами, говорит словами из «Ревизора»: «Ну, горюд — наш!» В другой сцене, когда немецкий офицер замахивается на Алексея стеклом, слышу откуда-то с галерки по-русски: «Горбач, дай ему в морду!»

Вообще не мыслю себе актера без этого постоянного чувства гражданственности. Если утром не стремишься скорее включить радио и узнать, как там, в Анголе, что с Луисом Корваланом, не ввели ли французы свои войска в Ливан, если не радуешься дождю, который, наконец, грянул и поит уставшую от зноя землю, если... — словом, если ты не причастен к судьбе народа, его работам, радостям, бедам, если этого нет, то нет артиста-гражданина.

— Что еще нужно человеку Вашей профессии?

— Знания. Я слежу за такой цепочкой. Знания рождают убежденность. Убежденность рождает желание убедить других. Желание убедить порождает страсть, темперамент, если хо-